

2.1.4. Личное знакомство с лидерами Запада. «Дух Женевы»

18-23 июля в Женеве впервые после войны встретились главы государств и правительств четырех великих держав – СССР, США, Англии и Франции. Булганин формально возглавлял там советскую делегацию в составе Хрущева, Молотова и нового министра обороны Жукова. Фотографии, запечатлевшие его рукопожатия с американским президентом Д. Эйзенхауэром, британским и французским премьер-министрами А. Иденом и А. Пинэ, а также генеральным секретарем ООН Д. Хаммершельдом обходят газеты и журналы всего мира. Правда, его собеседники прекрасно понимают, что не он тут первый, и внимательно следят за обширными репликами Хрущева.

В повестке дня совещания стояли вопросы: германский, о коллективной безопасности в Европе, о разоружении и о расширении контактов между Западом и Востоком. Ни по одному из них какого-либо соглашения достигнуть не удалось. И все же стороны разъезжались довольные друг другом, ибо переговоры велись не только откровенно, но и доброжелательно, без взаимных угроз.

Свидетелям и очевидцам событий 50-х и 60-х годов задавался вопрос: «Что вы помните о встрече глав государств и правительств СССР, США, Англии и Франции в июле 1955 г., на которой Советский Союз представляли Хрущев, Булганин, Молотов и Жуков?»

Помнят, что на встрече этой наметился компромисс и говорилось о налаживании связей, что и было одобрено, 20,5% опрошенных.

Ждал от встречи очень многого работник ФИАНа Л.А. Ипатов: «Нужно все-таки пытаться

договариваться»{581}. Бухгалтер СУ-55 Мосстроя А.П. Сердцева, а также ее знакомые и родственники «ждали от этой встречи чего-то сверхъестественного, но так вообще-то ничего существенного не дождались». И все же, на ее взгляд, «все почувствовали ветер перемен»{582}. «В людей вселялась надежда на мир и добро», – говорил сварщик Балашихинского автокранового завода

А. Ф. Неудахин{583}. «Большое дело сделали, попытались грызнуть между странами прекратить», – говорил рабочий Красногорского оптико-механического завода В.М. Косяков{584}. «Продолжением миролюбивой политики СССР» считал Женевскую встречу в верхах военно-служащий Советской армии И.Н. Соболев: «Народ устал от войны, люди хотели мира и боролись за него»{585}. Выдвинутые на этой встрече советские предложения, в частности о вступлении СССР в НАТО,

В. М. Михайлов из Тайнинской рассматривал как «доказательство мудрости внешнеполитического курса» руководства нашей страны{586}. Вулканизатор Останкинского молочного завода З. Т. Горячева расценила поиск компромисса как важный и нужный шаг: «Люди и так уже устали от войны». «Это снижало возможность войны», – полагал железнодорожник из Николаева В.А. Попов. Надежда, что войны больше не будет, укреплялась и у разнорабочего завода № 301 в Химках В.И. Лаврухина. Как участник войны, не мог не приветствовать компромисс с бывшими западными союзниками слесарь того же завода А.В. Ашурков{587}.

Встречу в Женеве, по мнению учительницы из подмосковного Косино Г.К. Пятикрестовской, «приветствовали очень многие». Приветствовали эту встречу и в Курской глубинке: как свидетельствовал 16-летний школьник В.Р. Червяченко, «все вздохнули с облегчением, появилась надежда, что войны не будет». При этом, запомнилось ему, некоторые считали, что «здесь договорились двое военных – Жуков и Эйзенхауэр, а военным тогда доверяли очень сильно». «Радовались, что угроза войны отступает», и по словам секретаря сельсовета в Дубровицах под Подольском З. Н. Нифонтовой. Ведь до этого люди, по словам колхозника В.Д. Жарова из деревни Марково в Лотошинском районе, не верили в возможность сохранения мира и думали, что все кончится войной. Как «начало диалога с Западом» запомнилась эта конференция офицеру из в/ч 44526 В.А. Лавровскому. «Много говорили о снятии напряженности, и очень хотелось в это верить», – вспоминал московский студент Ю.М. Лукашенко. Ждала разрядки и примирения инженер ВНИГНИ О.И. Кузнецова. По мнению председателя одного из белорусских колхозов В.Я. Пономарева, дух Женевы «вселял уверенность в возможность повернуть ход событий от конфронтации к мирному решению спорных вопросов». «Была надежда, что главы государств договорятся о разоружении и объединении Германии» у повара кафе-ресторана «Столешники» Е.В. Глазуновой, «Они обсуждали, как мир будет жить дальше: воевать или сотрудничать», – так понимал смысл этой встречи в верхах рабочий завода № 30 в Москве А.И. Кирьянов. Геологу из Алма-Аты М.И. Тухтину также казалось, что, решая проблему европейской безопасности и германский вопрос в частности, представители четырех великих держав «решили мирно сотрудничать друг с другом»{588}.

«Надо дружить и с Америкой тоже», – полагала воспитательница детского сада в в/ч 44026 (Загорск-6) В.А. Власова{589}. Биолог Е.П. Лукин из этой же воинской части и его «окружение интеллигенции» были рады самой возможности такой встречи: «Хотелось большей открытости, диалога с Западом»{590}. «Жили как сычи, закрылись ото всех, одни такие, что в этом хорошего?» – считала библиотекарь из Академии химической защиты М.Ф. Осипова{591}. Как «важный шаг с нашей стороны к прорыву железного занавеса», – расценила Женевскую встречу выпускница МОПиКа Т.П. Воронина. «Концом нашей изоляции от мира» считал встречу в Женеве техник трамвайного депо им. Баумана в Москве А.И. Харитонов. «Мы тогда считали, – говорила о своем понимании «духа Женевы» московская медсестра Е.В. Федулеева, – что между СССР, США, Англией и Францией завязывается дружба». Рад был налаживанию связей с Западом рабочий завода «Серп и молот» А.И. Нартов. Приветствуя цели, которые стояли перед участниками встречи в Женеве, московский строитель М.М. Гурешов рассуждал: «Меньше было бы затрат на военные нужды и часть денег пошла бы на нужды сельского хозяйства»{592}.

Несколько по иным мотивам одобрительно отнеслась к итогам Женевской встречи москвичка Н.А. Жарова: «Хрущев напомнил Западу, что СССР великая держава»{593}. То, что «с нами считаются», было важным и для В.Г. Левиной с фабрики им. 1-го мая в Подольском районе{594}. У инженера Северной водонапорной станции К.М. Воложанцевой укрепилась «вера в величие нашей страны»{595}. «Чего конкретно добивалось наше правительство», не знала рабочая комбината химических волокон в Клину В.Г. Трофимова, но она была уверена в том, что «Хрущев все равно нас в обиду не даст»{596}. Политику Хрущева поддерживала продавщица Н.В. Овсянникова из Фирсановки. «В это время, когда во внешней политике активно действовал Молотов, решений ошибочных почти не было», был убежден слушатель одной из военных академий в Харькове Е.Д. Монюшко{597}.

Считало, что не надо было ездить в Женеву, 0,5-1% опрошенных. Только что закончивший десятилетку в Малаховке И.И. Назаров полагал, что западные лидеры отправились в Женеву, чтобы произвести разведку боем новой, послесталинской, хрущевской политики и выяснить возможность пересмотра решений, принятых в Ялте и Потсдаме. По мнению одного из поклонников Молотова, плотника из мордовской деревни Селицы Н.М. Водяшкина, Хрущев и Булганин «были не очень готовы представлять страну на дипломатическом уровне». Была «не удовлетворена встречей в таком составе» и последовавшим затем «духом Женевы» и жительница Владивостока А.П. Абрамова. Конструктор КБ-1 в Москве Ю.К. Игнатов считал, что «СССР пошел на слишком быстрое сближение с Западом, опустив собственные интересы»{598}.

Придерживались других мнений соответственно 4 и 1% опрошенных. На взгляд Б.Г. Лященко, инженера одного из московских НИИ, «эта встреча имела формальный характер». Не вызвала эта встреча энтузиазма у работницы Звениговской типографии в Марийской АССР Ф.И. Артемьевой. Не верил в благоприятные последствия и окончание холодной войны кадровый военный В.А. Ларьков. «Много шума из ничего!» – говорил москвич С.Н. Гук{599}.

Не имели собственного мнения, остались равнодушными 3% опрошенных. Особых впечатлений это совещание не вызвало у экономиста Московского радиозавода «Темп» В.И. Соболя. Не очень поняла сути произошедшего Н.А. Белая из совхоза «Красный забойщик» на Днепропетровщине. Не вникала в суть, слушая, что говорили ей на политзанятиях, врач из Алма-Аты Н.В. Кузьменко. Эта тема, заполнявшая долгое время газеты, не очень интересовала студента Рязанского радиотехнического института В.В. Карпецкого, рабочую Поронайского рыбокомбината Т.С. Зайцеву и совсем не интересовала машинистку с завода ЖСК в Казани Е.П. Артемьеву, лаборантку завода «Электросталь» Л.И. Есипову, работницу домоуправления в городе Лыткарино М.С. Ширкулову. Не проявлял интереса к внешней политике курсант Молотовского высшего авиационно-технического училища им. Молотова А.Т. Щепкин. Во внешней политике не разбиралась нянечка из московского детсада № 19 П.И. Оцупок{600}.

Не обратили особого внимания или даже не ведали об этом соответственно 16 и 9% опрошенных. Не придавал этой встрече особого значения слесарь завода при ОКБ-2 О.В. Шеффер. Учился, работал и завел собственную семью будущий скульптор киевлянин И. З. Сидоренко, почему «политикой не очень увлекался». Даже географически далека была от всего этого экономист из Южно-Сахалинска А.Н. Великая. «В деревне было мало информации об этом», – утверждала колхозница из костромского села Щелкаково А.Д. Лебедева. Студенту МГУ В.М. Мухину запомнились только шляпы и широкие брюки делегатов в газетных и журнальных фотографиях{601}.

Затруднились с ответом соответственно 5 и 4% опрошенных.

Не осталось в памяти или смутно помнят от 46 до 49% опрошенных. «Много тогда кто куда ездил, всего и не упомнишь», – оправдывалась жительница Пензенской области А.В. Девяткина. Помнят только сам факт встречи, но ничего конкретно рабочая СУ-19 Мосстроя А.Т. Булычева, Н.Г. Липилина из Мытищ, М.С. Севастьянова из Красногорска, А.Д. Арвачев из села Покровское в Подольском районе{602}. И вообще ничего не помнят жительницы Косино Т.П. Михайлова и Т.И. Калининичева, маляр автокранового завода в Балашихе К.М. Селиванова, каменщица из поселка Северный около Талдома М.В. Фокина, студентка МОПиКа А. С. Катанина{603}. «Сегодня услышал по радио, а завтра забыл», – говорил рабочий Хмельницкой

МТС Н.А. Бондарук. Как объясняла учительница из подмосковного поселка им. Володарского В.Н. Вавилина, «собирались, обсуждали свои вопросы». «Наверно, не было большим событием, чтобы запомниться», – объяснял работник Ленгипростроя И.Ф. Григорьев. «Политика нас не касалась», – признавалась рабочая совхоза «Измайлово» в Ленинском районе Московской области А.Е. Щитинина{604}.

Нет ответа или он непонятен у соответственно 14,5 и 8% опрошенных. «Кажется, там решалась проблема Берлина», – пытался вспомнить водитель из подмосковного Железнодорожного П.С. Окладников. Не знал, «ради чего СССР вмешался в Корею», художник-оформитель одного из столичных НИИ М.Г. Данилов. «Это было в русле внешней политики СССР», – замечал студент МАИ А.В. Анисимов, не раскрывая своего личного отношения к этому «руслу» и не скрывая своего «недоумения» по поводу отдельных его потоков. Никакого «духа Женевы» в деятельности «квадриги» из Хрущева, Булганина, Молотова и Жукова не заметил офицер В.Я. Самойлов{605}.

Потепление международной атмосферы, названное «духом Женевы», длилось недолго и, наверно, поэтому не очень-то хорошо отложилось в народной памяти. Но какое-то время оно проявлялось и на приеме, устроенном председателем Совета министров для дипломатов и иностранных корреспондентов на правительственной даче в Семеновском, и на переговорах с западногерманским канцлером К. Аденауэром в особняке Морозова на Спиридоновке, завершившихся установлением дипломатических отношений с ФРГ, и на переговорах с финским президентом Ю. Паасикиви, приведших к отказу СССР от военно-морской базы Порккала-Удд в 20 км от Хельсинки.

Во время переговоров с К. Аденауэром в Москве в сентябре 1955 г. советское руководство сочло возможным пойти навстречу его настоятельной просьбе освободить из заключения и отправить на родину всех тех немецких генералов и офицеров, которые в свое время были осуждены советскими судами за военные преступления. Это способствовало успешному завершению переговоров, но простыми советскими гражданами было встречено неоднозначно.

На вопрос: «Не показалось ли вам чрезмерной уступкой освобождение из заключения и отправка на родину пленных немецких генералов, считавшихся до этого военными преступниками?» 28,5% опрошенных в 1998 г. и 35% опрошенных в 1999 г. ответили, что нет, не показалось. «Мы воспитаны в духе военного благородства», – говорил столичный офицер В.А. Сорин{606}. «Их надо было простить», – соглашалась З. Г. Сиротина, работавшая в оранжерее совхоза им. Ленина (деревня Слобода Ленинского района Московской области){607}. Никаких отрицательных эмоций не вызвало это у В.А. Зернова, шофера из деревни Синьково в Дмитровском районе: «Преступниками их в общем-то не считал»{608}, «Ведь они были такими же солдатами, как и мы, и выполняли приказ главнокомандующего», – полагала работница Московской вышивальной фабрики М.Я. Расторгуева{609}. «Генералы просто выполняли приказы, а наш народ миролюбив и великодушен», – говорила А.И. Аксенова, работавшая на заводе «Вторчермет» в Москве, а жившая в Люберцах{610}. Не считал их военными преступниками инженер-строитель Д.В. Рогачев из села Рогачево в Дмитровском районе, а «злоба на немцев, оставшаяся после войны, уже почти прошла»{611}. «Добрый жестом победителей» назвала этот шаг заведующая железнодорожной столовой в Петрозаводске М.А. Гришина. «В конце концов, с немцами мы уже не воевали», – рассуждал геолог из Алма-Аты М.И. Тухтин. «Не вечно же воевать, – рассуждала вулканизатор Останкинского молочного завода З. Т. Горячева. – Генералы всего лишь исполняли приказы». Не считали их военными преступниками, раз они не были осуждены в Нюрнберге, инженер машиностроительного завода в Ромнах Л.Ю. Бронштейн и бухгалтер из поселка Красково в Люберецком районе И.П. Медведев. Будучи сам военным, Н.Е. Чепрасов из Пензы считал, что «военный любого ранга исполняет долг перед отечеством, государством», а потому и освобождение немецких генералов он посчитал правильным. «Жертвами режима» считал большинство немецких генералов инженер НИИ «Комета» Э.А. Шкуричев. Успев повоевать с немцами, а затем послужить в Германии, стал уважать немецкий народ офицер КГБ в ГДР А.И. Носков{612}.

«Русский человек отходчив, – рассуждала медсестра из железнодорожной больницы в Коломне Т.Ф. Ремезова, – те из фашистов, кто конкретно участвовал в карах, были расстреляны

или повешены нашими трибуналами, а отсидевших по 10 лет можно было отпустить». «Их давно надо было отправить на родину», – говорила техник Красногорского оптико-механического завода Р.И. Бакина. Считала, что «немцы уже получили свое и наказание уже понесли» воспитательница из Тулуна К.А. Шаропова. Своими глазами видела работница ЦАГИ в Жуковском, сколько там было сделано пленными немцами, особенно инженерами {613}.

«Зачем они нам нужны?» – спрашивали учительница из подмосковного поселка им. Володарского В.Н. Вавилина и техник завода № 500 в Тушино М.С. Севастьянова. «Зачем их тут держать, кормить?» – вторили им экономист Московского радиозавода «Темп» В.И. Соболев {614} и курсант Чкаловского авиационного летного училища В.С. Безбородов {615}.

Актом гуманизма посчитал этот шаг военнослужащий А.П. Брехов: «10 лет уже отбыли в плену, можно и отпустить, так как люди они пожилые. Не всех же хоронить у нас?» «Нас воспитывали в духе гуманности», – объясняла студентка из Ростова-на-Дону Г.В. Свердлова. «Немцы тоже люди», – говорила учительница О.А. Журавлева в Загорске-6. Все, что было не от войны, а от мира, удовлетворительно воспринимала студентка Московского архитектурного института К.Н. Ненарокова {616}.

Что бы ни делало правительство во внешней политике, новосибирский строитель А. А. Чуркин был с этим согласен, воспринимая все практические шаги советской дипломатии так, как они трактовались средствами массовой информации {617}.

А вот чрезмерной уступкой освобождение немецких генералов показалось соответственно 22 и 39% опрошенных.

«Стране-победителю не следовало так поступать», – полагал железнодорожник из Николаева В.А. Попов. «Они были не в праве этого делать!» – категорически заявляла бухгалтер фабрики им. 1-го мая в Подольском районе Т.Г. Курдина. «Люди были против освобождения генералов», – утверждал студент Московского института геодезии и картографии А.С. Косякин. «В народе было недовольство», – сообщает С.П. Воблов, тогда – шофер артиллерийской академии им. Дзержинского. «Оскорбительным для народа-победителя» посчитала этот шаг работница керамического комбината в городе Железнодорожном Е.А. Клименкова. «Немцы причинили много вреда нашему народу, – напоминала фельдшерка с Реутовской хлопкопрядильной фабрики М.Т. Широкова, – и так легко их отпускать не надо было». Не могла простить немцам смерть своего мужа во время войны Е.П. Артемьева, машинистка завода ЖСК в Казани. «Мы понять не могли, зачем этих убийц надо освобождать из плена, – говорила С.И. Алексеева из подмосковной Немчиновки. – Сколько сирот осталось! У меня в детском саду, где я работала после войны, у детей почти ни у кого отцов не было» {618}.

Стыдно было работнице Лыткаринской городской больницы А.С. Ключичевой: «Столько горя нам немцы принесли, а этот шут извивается перед Германией!» {619}. «Возмущались, не понимали этого шага», – признает теперь Е.Л. Алексеева из деревни Долгое Ледово в Щелковском районе {620}. Возмущена была заведующая складом завода Главторгмаша в Симферополе Е.Н. Петрушенко: «Все женщины на работе испытывали тоже: «А вдруг мы им генералов отдадим, а они снова нападут?»» {621}. «Ни в коем случае нельзя их отпускать!» – полагал А.П. Козюков, прокурор в Плавском районе Тульской области {622}. Отрицательно воспринял этот шаг бывший фронтовик военнослужащий-сверхсрочник В.В. Деев (Москва) {623}. Полностью не согласен был другой фронтовик, работник ФИАНа Л.А. Ипатов {624}. Задело как фронтовика (но не очень, «время-то прошло») москвича С.А. Седых {625}. Неправильным посчитали освобождение немецких генералов еще несколько фронтовиков {626}.

«Чего мы не поняли, так это освобождения пленных немцев, слишком жива еще была память о войне», – вспоминала З. П. Половинкина из Загорска, прядильщица фабрики им. Р. Люксембург {627}. «Преступники должны сидеть в тюрьме, отвечая за все, что совершили», – говорил А.И. Горячев, сменный мастер на железнодорожной станции Дмитров {628}. «Все возмущались», по словам Е.И. Емшиной, рабочей завода № 67 в Москве {629}. Была недовольна Л.С. Смоленская из села Ивано-Слюсаревка в Кущевском районе Красноярского края, отец которой погиб во время войны {630}. «Все считали, что они должны отвечать за преступления, а

их взяли и отпустили совсем», – говорила Н.М. Орлова, крановщица из Дмитрова{631}. «Раз немцы развязали эту войну, за это им нет прощенья!» – был уверен совхозный ветеринар В.Т. Гришаев из деревни Николаевка в Касторненском районе Курской области{632}. «Их надо было держать в заключении до смерти», – полагала К.Г. Кудрявцева, работница завода оптического стекла в подмосковном Лыткарине{633}. «Мы их использовали в строительстве, и из них нужно было выжать все», – говорил И.С. Шитиков, зоотехник из совхоза «Зендиково» в Каширском районе{634}. «Среди населения мнения на этот счет были разные, – свидетельствовал 9-классник из Звенигорода В.Е. Север, – но в основном это решение вызывало недоумение, у меня тоже». «Раны были слишком свежи», – объясняла свою ненависть к фашистам инженер из Министерства путей сообщения Е.Г. Ананьева, у которой они казнили мать{635}.

Все были возмущены, по словам учительницы Онуфриевской школы в Истринском районе Н.Ф. Ивановой: «Почему их не расстреляли или не повесили?»{636}. «Их надо было расстрелять», – считает столичный таксист В.Ф. Оськин из Алабино{637}. «Их надо было давно расстрелять», – вторил ему заводской водитель И.П. Вейдеров из Ковылкино в Мордовии{638}. «Генералов всех нужно расстрелять», – считала рабочая Московского электрозавода им. Куйбышева Л.П. Агеева{639}. «Всех генералов надо было к стенке, благо опыт у нас есть», – полагал А.А. Линовицкий, грузчик одного из продовольственных магазинов в Туле{640}. Е.И. Осинчеровой, шоферу из Ефремова в Тульской области, казалось, что «предаем память людей, погибших от действий этих генералов», и она была уверена, что «их надо было казнить, а не отправлять на родину»{641}.

Очень было обидно, что «эти фашисты вернулись на родину», слесарю Воронежской ГРЭС И.Н. Комову. «Но нашего мнения никто не спрашивал», – сетовала его жена, уборщица из Воронежского отделения Гипрокаучука В.А. Комова{642}.

Студенту МАИ А.В. Анисимову вообще непонятно было ускорение процесса нормализации отношений с западными немцами, особенно на фоне отмены праздника Победы 9 мая. Крайне отрицательно относилась к налаживанию отношений с немцами научный сотрудник ВНИИ экономики сельского хозяйства В.Ф. Полянская, своими глазами видевшая последствия зверств, совершенных ими на оккупированной территории. «Все, что было связано с Германией и немцами, встречалось нами враждебно, в штыки», – объясняла рабочая из типографии в Волоколамске В.И. Матисова. Всех немцев считал врагами, подлежащими каре, рабочий Трехгорной мануфактуры Н.Т. Неверов, Врагами продолжала их считать пекарь хлебозавода в Талдоме З. Д. Клинокова. «Хрущев был рад в пику Сталину идти на любые уступки», – считает теперь И.И. Назаров, тогда только что окончивший среднюю школу в Малаховке{643}.

В то же время, не соглашаясь с освобождением пленных немецких генералов, 4-5% опрошенных считали, что налаживать отношения с Западной Германией нужно. «Для установления отношений это правильно, но по человечески – нет, это убийцы!» – восклицала студентка МОПиКа А.С. Катанина{644}.

Не имели своего мнения, было безразлично для соответственно 7,5 и 4% опрошенных. Не вникала, слушая об этом на политзанятиях, медсестра из в/ч 12122 в подмосковном поселке Заря А.П. Смирнова. Не задумывалась и врач одной из столичных поликлиник А.Ф. Данилова. Не интересовались такими вещами работница поселкового потребительского общества в подмосковной Салтыковке О.М. Данилова и лаборантка завода «Электросталь» Л.И. Есипова. Не могла оценить политическую значимость этого шага маляр К.М. Селиванова с автокранового завода в Балашихе, но она «слышала, что освободить фашистов еще рановато»{645}.

Не ведали об этом соответственно 8,5 и 5% опрошенных. «Мы ничего не слышали об этом, – ведь жили-то в деревне», – рассказывала колхозная доярка из Смоленщины А.Ф. Тихонова. Не доходили подобные вести и до ученицы торгового училища в Нерчинске О.Г. Михайловой, поскольку у нее не было не только телевизора (на Дальнем Востоке тогда вообще еще не было телевизионного вещания), но и радио. Как ни любила читать газеты и слушать радио кладовщик-инструментальщик из центральных ремонтных мастерских в Комсомольске-на-Амуре Т.П. Кищенко, об этом событии она ничего не знала. «Об этом в

газетах не писали», – уверяла работница домоуправления в Лыткарино Н.И. Лигаева. Незамеченным визит Аденауэра в Москву оказался для конструктора КБ-1 в Москве Ю.К. Игнатова, но теперь освобождение генералов он считает правильным {646}.

Не помнят соответственно 16 и 14% опрошенных. «Интересовались в основном теми событиями, которые нас затрагивали непосредственным образом, – объясняла А.В. Девяткина из Пензенской области, – забот было много, заедала своя работа» {647}. Не интересовалась политикой Г.Н. Щербакова, учившаяся тогда в Серпуховском педагогическом училище {648}.

Нет ответа или он не подлежит однозначному толкованию у соответственно 10 и 3% опрошенных.

Таким образом, в отличие от примирения с Тито, дипломатическое признание западногерманского режима, сопровождавшееся амнистией немецких генералов, встретило гораздо меньшую поддержку населения. Историческая память в данном случае негативно сказывалась на оценке шагов советского руководства к примирению с вчерашним противником. И «дух Женевы» тут мало чем помог.

Однако в дипломатических сферах он все еще продолжал сказываться. Советское руководство решило сократить свои вооруженные силы на 640 тысяч человек. Но в то же время, именно тогда началась серия испытаний водородной бомбы невиданной до того мощности, а англичане, французы и американцы стали выказывать тревогу по поводу поставок оружия из Чехословакии в Египет и другие страны Ближнего Востока, которые они считали традиционной сферой своего влияния. Как заявил Молотову, встретившись с ним в Нью-Йорке на сессии Генеральной ассамблеи ООН, Дж. Ф. Даллес, это «не может способствовать ослаблению напряженности» в отношениях между двумя блоками {649}.

Затем последовали советское предложение Египту о 300-миллионном кредите для строительства Ассуанской плотины, в котором ему отказывал Запад, триумфальный визит Хрущева и Булганина в Индию, Бирму и Афганистан с громкими заявлениями в поддержку национально-освободительного движения в колониях, и, наконец, затяжные и безрезультатные переговоры министров иностранных дел по вопросам, порученным главами государств и правительств. И к концу 1955 г. восторженные упоминания о «духе Женевы» исчезли из печати. Он испарился. А народ, как сейчас выясняется, не очень-то и заметил его недолгое присутствие в международной атмосфере.